

**Сборник товарищества "Знание"
за 1908 год**

23

УДК 82-3
ББК 84
С23

С23 Сборник товарищества "Знание" за 1908 год: 23 / – М.: Книга по Требованию, 2024. – 373 с.

ISBN 978-5-458-52992-1

"Знание" - российское книгоиздательское товарищество, Санкт-Петербург, 1898-1913. С 1902 "Знание" возглавлял Максим Горький, объединивший вокруг издательства демократических писателей. С 1904 выпускались "Сборники товарищества "Знание", состоящие из произведений М. Горького, А. И. Куприна, А. С. Серафимовича, И. А. Бунина и др., а также массовые серии политических брошюр.

ISBN 978-5-458-52992-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

М. ГОРЬКІЙ.

И С П О В Ъ Д Ъ.

ПОВѢСТЬ.

ФЕДОРУ

ШАЛЯПИНУ

ПОСВЯЩАЮ.

...Позвольте разсказать жизнь мою; времени повѣсть эта отниметъ у васъ немного, а знать ее — надобно вамъ.

Я—крапивникъ, подкидышъ, незаконный человѣкъ; кѣмъ рожденъ—неизвѣстно, а подброшенъ былъ въ экономію господина Лосева, въ селѣ Сокольемъ, Красноглинскаго уѣзда. Положила меня мать моя—или кто другой—въ паркъ господскій, на ступени часовеньки, гдѣ схоронена была старая барыня Лосева, а найденъ я былъ Данилой Вяловымъ, садовникомъ. Пришелъ онъ рано утромъ въ паркъ и видитъ: у двери часовни дитя шевелится, въ тряпки завернуто, а вокругъ котъ дымчатый сторожо ходить.

У Данилы прожилъ я до четырехъ лѣтъ, но какъ онъ самъ многолѣтній былъ, то кормился я гдѣ попало, а коли пищи не найду,—попишу, попишу да голоденъ и засну.

Четырехъ лѣтъ взялъ меня къ себѣ дьячокъ Ларіонъ, человѣкъ одинокій и весьма чудесный; взялъ онъ меня для скуки своей. Былъ онъ небольшого роста, круглый, какъ пузырь, и лицо круглое; волосы рыжіе, а голосъ тонкій, подобно женскому, и сердце имѣлъ тоже какъ бы женское—до всѣхъ ласковое. Любилъ вино пить и пилъ его помногу; трезвый молчаливъ бывалъ, глаза полузакрыты всегда, и видъ имѣлъ человѣка виноватаго предъ всѣми, а выпивши — громко ирмосы и тропари пѣлъ, голову держалъ прямо и всякому улыбался.

Отъ людей въ сторонѣ стоялъ, жилъ бѣдно, надѣлъ свой попу отдавъ, а самъ зиму и лѣто рыбу ловилъ, да—забавы ради—птицъ пѣвчихъ, къ чему и меня приучилъ. Любилъ онъ птицъ, и онѣ не боялись его; умилительно вспомнить, какъ, бывало, бѣгаетъ поползень—птица очень дикая—по рыжей головѣ его и путается въ огневыхъ волосахъ. Или сядетъ на плечо и въ ротъ ему заглядываетъ, наклоняя умную голову свою. А то ляжетъ Ларіонъ на лавку, насыплетъ конопки въ голову и въ бороду себѣ, и вотъ слетятся чижи, щеглята, синицы, снѣгири—роются въ волосахъ дѣятка, по щекамъ лазаютъ, уши клюютъ, на носъ ему садятся, а онъ лежитъ и хохочетъ, жмуря глаза да ласково бесѣдуя съ ними. Завидовалъ я ему въ этомъ—меня птицы боялись.

Нѣжной души человѣкъ былъ Ларіонъ, и всѣ животныя понимали это; про людей того не скажу—не въ осужденіе имъ, а потому, что, знаю,—человѣка лаской не накормишь.

Зимой трудновато бывало ему: дровъ нѣтъ и купить не на что, деньги пропиты; въ избенкѣ, какъ въ погребѣ, холодно, только пичужки щебечутъ да поютъ, а мы съ нимъ, лежа на холодной печи, всѣмъ, чѣмъ можно, окутаемся и слушаемъ птичье пѣніе... Ларіонъ имъ подсвистываетъ—хорошо умѣлъ!—да и самъ былъ похожъ на клѣста: носъ большой, крюкомъ загнутый, и красная голова. А то, бывало, скажетъ мнѣ:

— Вотъ, слушай, Мотъка, — меня Матвѣемъ окрестили,—слушай!

Ляжетъ на спину, руки подъ голову, зажмурить глаза и заведетъ своимъ тонкимъ голосомъ что-нибудь изъ литургій заупокойной. Птицы замолчатъ, прислушаются, да потомъ и сами въ перебой пѣть начнутъ, а Ларіонъ пуше ихъ, а онѣ ярятся, особенно чижи да щеглята или дрозды и скворцы. До того онъ допоеетъ, бывало, что сквозь вѣки изъ глазъ у него слезы те-

кутъ, щеки ему мочать, и омытое слезами станетъ сѣрымъ лицо его.

Отъ такого пѣнія иной разъ жутко становилось, и однажды я сказалъ ему тихонько:

— Что ты, дядя, все про смерть поешь?

Пересталъ онъ, поглядѣлъ на меня и говорить, смѣясь:

— А ты не бойся, глупый! Это ничего, что смерть, зато—красиво! Въ богослуженіи—самое красивое заупокойная литургія: тутъ ласка человѣку есть, жалость къ нему. У насъ, кромѣ покойниковъ, никого не умѣютъ жалѣть!

Слова эти—хорошо помню, какъ и всѣ его рѣчи, но понимать ихъ въ ту пору я, конечно, не могъ. Дѣтское только передъ старостью понятно, въ самые мудрые годы человѣка.

Помню тоже, спросилъ я его: почему Богъ людямъ мало помогаетъ?

— Не Его это дѣло! — объяснилъ онъ мнѣ. — Самъ себѣ помогай, на то тебѣ разумъ данъ! Богъ—для того, чтобы умирать не страшно было, а какъ жить — это твое дѣло!

Рано забылъ я эти рѣчи его, а вспомнилъ—поздно, и оттого много лишняго горя перелесъ.

Замѣчательный былъ человѣкъ! Всѣ люди, когда удять, не кричатъ, не разговариваютъ, чтобы не пугать, — Ларіонъ поетъ неумолчно, а то рассказываетъ мнѣ житія разныя, или о Богѣ говоритъ, и всегда къ нему рыба валомъ шла. Птицъ ловятъ тоже съ осторожностью, а онъ все время свиститъ, дразнить ихъ, бесѣды съ ними ведетъ и—ничего, идетъ птица и въ чапки, и въ сѣть. Опять-же насчетъ пчелъ—рон отсаживать или что другое,—старые пчеляки съ молитвой это дѣлаютъ, и то не всякъ разъ удается имъ, позовутъ дьячка—онъ бѣгаетъ пчелъ, давитъ ихъ, ругается матерно,—и все сдѣлаетъ въ лучшемъ видѣ. Не любилъ

онъ пчелъ: онъ у него дочь ослѣпили. Забралась на пчельникъ дѣвочка—три года было ей,—а пчела ее въ глазъ и чикнула; разболѣлся глазокъ да ослѣпъ, за нимъ—другой, потомъ дѣвочка померла отъ головной боли, а мать ея сошла съ ума...

Да, все онъ дѣлалъ не какъ люди, и ко мнѣ ласковъ былъ, словно мать родная; въ селѣ меня не очень жаловали: жизнь—тѣсная, а я всѣмъ чужой, лишній человекъ... Вдругъ чей-нибудь кусокъ незаконно съѣмъ...

Приучилъ меня Ларіонъ ко храму, сталъ я помогать ему въ службѣ, пѣлъ съ нимъ на клиросѣ, кадило зажигалъ, все дѣлалъ, что понадобится; сторожу Власію помогалъ порядокъ въ церкви держать и любилъ все это, особенно зимой. Церковь-то каменная, топили ее хорошо, тепло было въ ней.

Всенощная служба больше утренней пріятна мнѣ была; къ ночи, трудомъ очищенные, люди отрѣшаются отъ заботъ своихъ, стоятъ тихо, благолѣпно, и теплятся души, какъ свѣчи восковыя, малыми огоньками; видно тогда, что хоть лица у людей разныя, а горе—одно.

Ларіонъ любилъ службу во храмѣ: закроетъ глаза, голову рыжую кверху закинетъ, кадыкъ выпатитъ—и зальется, запоетъ. До того доходилъ, что и лишнее пѣвалъ,—ужъ попъ ему изъ алтаря знаки дѣлаетъ,—куда, дескать, тебя занесло? И читалъ тоже прекрасно, нараспѣвъ, звонко, съ ласкою въ голосѣ, съ трепетомъ и радостью. Попъ не любилъ его, онъ попа—тоже, и не разъ, бывало, говорилъ мнѣ:

— Какой это священникъ! Онъ не попъ, а барабанъ, по которому нужда и привычка палками бьютъ. Былъ бы я попомъ, я бы такъ служилъ, что не токмо люди,—святые иконы плакали бы!

И это вѣрно—не хорошъ былъ попъ на своемъ мѣстѣ: лицо курносое, черное, словно порохомъ опалено, ротъ широкій, беззубый, борода трепаная, волосомъ—жидокъ, со лба—лысина, руки длинныя. Голосъ имѣлъ

хриплый и задыхался, будто не по силѣ ношу несь. Жаденъ былъ и всегда сердить, потому—многосемейный, а село-то бѣдное, зѣмли у крестьянъ плохія, промысловъ нѣтъ никакихъ.

Лѣтомъ, когда и комаръ богатъ, мы съ Ларіономъ днемъ и ночью въ лѣсу, за охотой на птицъ или на рѣкъ, рыбу лова. Случалось—вдругъ треба какая-нибудь, а дьячка нѣтъ, и гдѣ найти его — невѣдомо. Всѣхъ мальчишекъ изъ села разгонять искать его; бѣгаютъ они, какъ зайчата, и кричатъ:

— Дьячокъ! Ларивонъ! Айда домой!

Едва найдутъ... Попъ ругается, жалобой грозить, а мужики—смѣются.

Былъ у него одинъ дружокъ, Савелка Мигунъ, ворисше извѣстный и пьяница заливной, не разъ битъ бывалъ за воровство и даже въ острогѣ сидѣлъ, но, по всему прочему, рѣдкостный человѣкъ. Пѣсни онъ пѣлъ и сказки говорилъ такъ, что невозможно вспомнить безъ удивленія.

Множество разъ я его слыхалъ, и теперь вотъ онъ предо мною живъ стоитъ: сухонькій, юркій, бородѣнка въ три волоса, весь оборванный, рожа маленькая, клиномъ, а лобъ большой и подъ нимъ воровскіе развеселые глаза часто мигаютъ, какъ двѣ тѣмныя звѣзды.

Бывало, притащить онъ бутылку водки, а то Ларіона заставить купить, сядутъ они другъ противъ друга за столъ, и говорить Савелка:

— А ну-ко, дьяче, валяй „Покаяніе“!

Выпьютъ... Ларіонъ поконфузится немножко, да и запоетъ, а Савелка сидитъ, какъ пришитый, мигаетъ, бородѣнкой трясетъ, слезы на глазахъ у него, лобъ рукой поглаживаетъ и улыбается, сгоняя пальцами слезинки со щекъ.

Потомъ подскочить, какъ мячъ, кричить:

— Очень превосходно, Ларя! Ну, и завидую я Господу Богу—хорошо пѣсни сложены Ему! Человѣкъ-то,

Ларя, а? Каковъ есть человѣкъ, сколь онъ добръ и богатъ душой, а? Ему ли ужъ не трудно передъ Богомъ ходить! А онъ — вотъ какъ — на! Ты мнѣ, Господи, — ничего, а я тебѣ—всю душу!

— Не кощунъ!—скажетъ Ларіонъ.

— Я? — кричитъ Савелка.—Нисколько! Даже и въ помыслахъ нѣтъ! Гдѣ же я кощуню? Никакъ! Радуюсь за Бога—и больше ничего! Ну, а теперь я тебѣ спою!

Встанетъ, руку вытянетъ и начнетъ колодовать. Пѣлъ онъ тихо, таинственно пѣлъ, глаза широко раскроетъ, зажгетъ ихъ какимъ-то особеннымъ огнемъ, и на вытянутой рукѣ его сухіе пальцы шевелятся всегда, словно ищутъ чего-то въ пустотѣ. Ларіонъ къ стѣнѣ отвалится, опираясь руками о скамью, откроетъ ротъ и смотритъ удивленный; я на печи лежу, а сердце у меня замираетъ печально-сладостно. Потемнѣетъ весь Савелка, только мелкіе бѣлые зубы его блестятъ, да сухой языкъ шевелится, какъ у змѣи, и потъ на лбу выступитъ крупными каплями. Голосу у него — конца нѣтъ, такъ и льется, такъ и свѣтится, подобно ручью въ полѣ. Кончатъ, покачивается, обогретъ лицо ладонью, выпьютъ оба и долго молчатъ. Потомъ Савелка проситъ:

— А ну-ко, Ларя, „Волною морскою“!

И такъ они весь вечеръ другъ друга утѣшаютъ, пока не спянутся оба; тогда Мигунъ начинаетъ похабныя сказки сказывать про поповъ, помѣшниковъ, королей; дьячокъ мой хохочетъ и я тоже, а Савелка безъ устали сказку за сказкой вяжетъ и такъ смѣшно, что впору задохнуться со смѣху.

А еще лучше онъ по праздникамъ у кабака пѣвалъ: встанетъ предъ народомъ, зажмурится крѣпко, такъ что на вискахъ морщины лягутъ, да и заведетъ; смотришь на него—и словно пѣся въ грудь ему изъ самой земли исходитъ: и слова ему земля подсказываетъ, и силу голосу даетъ. Стоять и сидать вокругъ